

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

А.А. Кириллов

Догматическое учение о таинстве Евхаристии в творениях св. Иоанна Златоуста

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1896. № 1-2. С. 26-52.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПбПДА
Санкт-Петербург
2009

Догматическое учение о таинствѣ евхаристіи

ВЪ ТВОРЕНІЯХЪ СВ. ІОАННА ЗЛАТОУСТА.

ВОПРОСЪ о таинствѣ евхаристіи въ послѣднее время сталъ особенно возбуждать къ себѣ живой интересъ, чему главнымъ образомъ посодѣйствовали новѣйшія стремленія ко взаимному общенію между христіанскими церквами. Для того, чтобы эти стремленія могли имѣть достаточное основаніе для своего осуществленія, необходимо прежде всего опредѣлить тѣ общія догматическія основы, на которыхъ покоится сущность христіанской церкви, такъ какъ безъ опредѣленія этихъ основъ всякія стремленія къ единенію будутъ лишь беспочвенными мечтаніями. Одною изъ такихъ основъ несомнѣнно служить догматическое учение церкви о таинствѣ евхаристіи, какъ такомъ, въ которомъ сосредоточивается, такъ сказать, самое сердце церковно-религіозной жизни христіанскаго міра, и пока нѣтъ согласія во взглядѣ на это таинство, дотолѣ не можетъ быть и единенія. Это вполне понимаютъ и западные богословы тѣхъ независимыхъ церквей и общинъ, которыя ищутъ единенія съ православно-восточною церковію, и потому въ послѣднее время они усердно разрабатываютъ вопросъ о таинствѣ евхаристіи. Понятно, что однимъ изъ главнѣйшихъ источниковъ для уясненія этого ученія являются творенія св. отцовъ, какъ великихъ хранителей вѣры, нѣкогда преданной святымъ, и напр. въ старокатолическомъ „Международномъ богословскомъ журналѣ“ было уже нѣсколько подобнаго рода статей ¹⁾. Въ соотвѣтствіе этимъ запросамъ богословской мысли и

¹⁾ См. напр. и въ послѣдней яварской книжкѣ за 1896 г. статью проф. М и н о: *Etudes eucharistiques: Comment les Pères ont interprété l'eucharistie.*—*Revue internationale de Théologie*, № 13, pp. 130—150.

мы съ своей стороны намѣрены предложить вниманію любителей серьезныхъ богословскихъ вопросовъ опытъ уясненія догматическаго ученія православно-восточной церкви на основаніи твореній св. отцовъ, и теперь беремъ знаменитѣйшаго изъ нихъ, именно св. Іоанна Златоуста, творенія котораго теперь, благодаря новѣйшему изданію с.-петербургской духовной академіи, общаются вскорѣ сдѣлаться настольною книгою всякаго православнаго богослова.

Св. Іоаннъ Златоустъ, этотъ ревностнѣйшій пастырь Христова стада, мудрый истолкователь тайнъ, вскорѣ же послѣ своей смерти и на Востокѣ и Западѣ почтенный именовъ „вселенскаго учителя, величайшаго свѣтила міра“¹⁾, оставилъ намъ безчисленное множество и притомъ разнообразныхъ произведеній, которыя сохранились до нашихъ дней и которыя не могутъ не возбуждать въ насъ благоговѣйнаго удивленія къ его богатому уму, глубоко проникающему въ тайны Божія домостроительства, его величайшей нравственной опытности съ пастырскою ревностію, его неизмѣримому, неистощимому краснорѣчію. И по отношенію къ избранному нами предмету, въ его бесѣдахъ на новозавѣтныя Писанія, мы встрѣчаемъ подробный комментарий на всѣ мѣста, относящіеся къ евхаристіи, или говоря иначе — находимъ полное толкованіе библейскаго воззрѣнія на это таинство. Такимъ образомъ и судить о взглядѣ самого св. Златоуста мы можемъ, основываясь не на случайныхъ показаніяхъ, которыя, однако, нерѣдки въ его твореніяхъ, но на цѣлыхъ отдѣльныхъ трактатахъ, которые имѣютъ спеціальнымъ своимъ предметомъ таинство св. евхаристіи. Правда, предлагая вниманію слушателей такой предметъ въ публичной бесѣдѣ, онъ естественно долженъ былъ придать своему изложенію особый характеръ, — иное, какъ общеизвѣстное, оставить безъ развитія, сославшись на непосредственное

¹⁾ См. «Истор. уч. объ отцахъ церкви» — пр. Филарета, вып. II, стр. 305. Ср. «Жизнь св. Іоанна Златоустаго, архіепископа константинопольскаго Москва, 1860 г., — «Жизнь и труды св. отцевъ и учителей церкви», Фаррара въ перев. А. П. Лопухина и пр.

сознаніе вѣрующихъ; но съ другой стороны это же самое обстоятельство, что онъ говоритъ съ церковной каедрѣ, какъ власть имѣющій по сану предстоятеля церкви, придаетъ его мыслямъ особую силу, особое значеніе. Наша задача при изслѣдованіи твореній св. архіепископа константинопольскаго по отношенію къ вопросу объ евхаристіи должна состоять въ слѣдующемъ: прежде всего и главнымъ образомъ мы должны остановиться своимъ вниманіемъ на бесѣдахъ его, содержащихъ въ себѣ комментарій на новозавѣтныя мѣста, касающіяся таинства евхаристіи, каковы: 1) 82 бесѣда на Евангеліе Матѳея, 2) 46 и 47—на Ев. Іоанна и 3) 24 на 1 посланіе ап. Павла къ Коринѳянамъ, а затѣмъ 4) разсмотрѣть другія болѣе выдающіяся мѣста, относящіяся до евхаристіи, съ преимущественнымъ вниманіемъ къ тому, что составляетъ особенность во взглядѣ св. отца сравнительно съ разсмотрѣнными бесѣдами.

1. Первая изъ указанныхъ бесѣдъ содержитъ въ себѣ комментарій вселенскаго учителя на описанное евангелистомъ Матѳеемъ установленіе таинства и начинается, непосредственно за словами евангелиста (XXVI, 26—28), укоризною предателю: ¹⁾ „Увы, говоритъ онъ, какое ослѣпленіе предателя! Причащаясь и таинствъ (καὶ τῶν μυστηρίων μετέχων), остался тотъ же; и наслаждаясь страшнѣйшей трапезы (τῆς φοβερότατης ἀπολούων τραπέζης), не измѣнился. И это показываетъ Лука словами: послѣ сего вошелъ сатана въ него, не тѣломъ Владыки пренебрегая, но издѣваясь надъ безстыдствомъ предателя. Ибо его согрѣшеніе было велико въ двухъ отношеніяхъ: и потому, что съ такимъ расположеніемъ приступилъ къ таинствамъ (τοῖς μυστηρίοις), и потому, что не сдѣлался лучшимъ ни отъ страха, ни отъ благодѣянія, ни отъ чести“ ²⁾. Далѣе разсказывается исторія самаго установленія св-

¹⁾ S. Joann. Chrysost. op. t. VII, pars 2, in Mattheam hom. LXXXII, n. 1, col. 737.

²⁾ Замѣтимъ кстаті, что подъ таинствами, какъ очевидно изъ хода рѣчи, св. Златоустъ разумѣетъ «страшнѣйшую трапезу», т. е. евхаристію. И вообще названіе: «τὰ μυστήρια» у него служатъ какъ бы собственнымъ именемъ этого таинства. Правда, иногда онъ замѣняетъ его другимъ наименованіемъ—τράπεζα съ различными эпитетами, то φοβερὰ, то φοβρὴ или φοβερὴς и φοβερότατης,

харистіи. Христосъ таинствами напоминаетъ ученикамъ о закланіи п среди трапезы бесѣдуетъ о крестѣ; ученики смутились. И когда они ѣли, (Иисусъ), взявши хлѣбъ, преломилъ. „Для чего“, спрашиваетъ затѣмъ святитель, „совершаетъ Онъ это таинство (τὸ μυστήριον τοῦτο) во время Пасхи?“ И отвѣчаетъ: „чтобы ты отовсюду научился, что и ветхаго завѣта Онъ законоположникъ. *И въ какое время былъ образъ, въ такое же полагаетъ и истину...* И благодарить, научая насъ, какъ совершать это таинство, и показывая, что добровольно идти на страданіе. Если образъ былъ освобожденіемъ отъ рабства, то тѣмъ болѣе истина освободить вселенную. Потому и не прежде установилъ таинство, но тогда, какъ законное должно было миновать, главизну ветхозавѣтныхъ праздниковъ разрушаетъ и, перенося ихъ (учениковъ) на иную страшнѣйшую трапезу, говорить: *примите, идите: сіе есть тѣло Мое, за многихъ ломимое. И отчего не смутились они, услышавъ это?* Оттого, что много великаго Онъ говорилъ уже о семъ. Выставляеть и причину страданія—отъятіе грѣховъ. Называетъ и кровь новаго завѣта, т. е. общанія, возвѣщенія новаго закона. Ибо это и въ древности общалъ, и это составляетъ новый завѣтъ. *И какъ древній содержалъ кровь овецъ и тельцовъ, такъ этотъ кровь Владычню.* И опять говорить о причинѣ смерти: „(кровь), изливаемая за многихъ въ оставленіе грѣховъ“ и присовокупляетъ: сіе творите въ Мое воспоминаніе. Кровь ветхозавѣтнаго агнца была излита за спасеніе первородныхъ, эта же въ оставленіе грѣховъ всей вселенной. Сіа есть кровь Моя, говорить, изливаемая за многихъ въ оставленіе грѣховъ. *Говорилъ это, вмѣстѣ показывая, что таинство (τὸ μυστήριον) есть страданіе и крестъ, и въ то же время утѣшавъ этимъ учениковъ.* Желаніемъ, говорить, возжелалъ ѣсть пасху эту, т. е. предать вамъ новыя дѣла и дать пасху, которою *Я наипреваялся сдѣлать васъ духовными.* И самъ Онъ пилъ отъ нея. Ибо, дабы услышавъ это, они не сказали: итакъ,

то даже πνευματικὴ и πνευματικὴ καὶ ἱερά, наконецъ и μυστικὴ. Можно предположить, что св. Златоустъ какъ бы сравниваетъ и противопоставляетъ величайшее таинство христіанской вѣры языческимъ мистеріямъ, которыя, безъ сомнѣнія, ему были извѣстны, обозначая ихъ однимъ и тѣмъ же терминомъ.

что? кровь мы пьемъ и плоть ѣдимъ? и не смутились бы тогда (потому что когда Онъ завелъ рѣчь объ этомъ, тогда многіе соблазнились относительно сихъ словъ),—птакъ, чтобы они и тогда не возмущались, Онъ первый сдѣлалъ это, побуждая ихъ необязательно къ общенію таинства. Посему Онъ пилъ Свою собственную кровь. Что же? Не должно ли, скажешь ты, совершать и древнее и новое таинство? Не должно. Ибо Христосъ для того сказалъ: „сіе творите“, чтобы отклонить отъ древняго. *Если новѣ таинство даруетъ оставленіе грѣховъ, а оно дѣйствительно и даруетъ*,—то древнее будетъ излишне. Посему какъ у іудеевъ, такъ и здѣсь, съ таинствомъ мы соединяемъ воспоминаніе благодѣянія, и симъ заграждаемъ уста еретиковъ. Когда они говорятъ: откуда извѣстно, что Христосъ принесъ Себя въ жертву?—то мы кромѣ другихъ свидѣтельствъ заграждаемъ ихъ самыми таинствами. Ибо если Іисусъ не умеръ, то что означаютъ исполнившіеся образы (σύμβολα τὰ τελοῦμενα)?¹⁾ Здѣсь прежде всего достойно примѣчанія то, что св. Златоустъ противопоставляетъ ветхозавѣтную пасху новозавѣтному таинству и первую считаетъ образомъ, а послѣднее признаетъ истинною²⁾, называетъ ее пасхою, которая πνευματικὸς ποιεῖ. Но подобное выраженіе еще ничего не говоритъ о взглядѣ св. отца на таинство свхаристіи; оно можетъ быть понято и надлежащимъ образомъ объяснено только при свѣтѣ другихъ болѣе ясныхъ мѣстъ. Несомнѣнно, что св. Златоустъ въ данномъ мѣстѣ ставитъ въ тѣсную связь ветхозавѣтную кровь жертвенныхъ агнцевъ, Владычную кровь новаго завѣта, и установленное Господомъ въ воспоминаніе Его страданій и крестной смерти таинство. Въ ветхомъ завѣтѣ, по его словамъ, приносилась въ жертву истинная кровь агнца, она изливалась за спасеніе первородныхъ; въ новомъ завѣтѣ Іисусъ Христосъ также истинно излилъ кровь Свою въ жертву Богу и излилъ ее въ оставленіе грѣховъ всей вселенной; потому, какъ ветхій содержалъ кровь тельцовъ и агнцевъ, такъ *новый содержитъ кровь Господа Христа*. Эту-то кровь Онъ и преподаетъ теперь всѣмъ.

¹⁾ κ. τοι. Ibid., col. 738—739.

²⁾ Ср. то же самое у св. Григорія Богослова.

вѣрующимъ въ таинствѣ, ею Онъ причастилъ учениковъ и, чтобы они не смутились, Онъ самъ первый пилъ Свою собственную кровь. Мысль о реальномъ присутствіи тѣла и крови Христа въ евхаристіи здѣсь утверждается съ достаточною ясностію. Слова Спасителя, относящіяся къ хлѣбу и вину евхаристіи, которые уже не хлѣбъ и вино, а тѣло и кровь Его, принимаются въ строго-буквальномъ смыслѣ. Ученики Христовы, говоритъ св. вселенскій учитель, посмотрѣли на дѣло установленія таинства такъ, какъ даетъ понять ясный и прямой смыслъ словъ Иисуса Христа, т. е. они поняли ихъ въ буквальномъ смыслѣ, въ смыслѣ реального вкушенія тѣла и реального питья крови Христа. Конечно, при этомъ они легко могли и смутиться. Въ оправданіе возможности такого явленія св. Златоустъ указываетъ на бывшіе факты, приводитъ на память бесѣду Спасителя о хлѣбѣ животномъ, изложенную евангелистомъ Іоанномъ (въ VI гл.), и говоритъ, что, понявъ ее чувственно, многіе изъ послѣдователей Христа соблазнились и отошли прочь. Это смущеніе ихъ тѣмъ болѣе было бы понятно въ то время, какъ пришлось бы имъ уже вкушать самое тѣло и пить самую кровь. Но снисходительно-милосердый Владыка, въ предупрежденіе сего, по человеколюбію Своему, Самъ показываетъ примѣръ, первый пьетъ Свою собственную кровь и тѣмъ разрѣшаетъ смущеніе учениковъ,—послѣ чего они уже безбоязненно вкушаютъ предложенное. Слѣдовательно, *по мысли св. отца, при первомъ актѣ совершенія евхаристіи участвующіе въ ней на самомъ дѣлѣ причастились тѣла и крови Иисуса Христа.* Но Тайноучредитель разнавсегда сказалъ: „сія есть тѣло Мое, сія есть кровь Моя“ и заповѣдалъ Своимъ ученикамъ творить то же самое въ Его воспоминаніе; при томъ новый завѣтъ дѣйствительно содержитъ кровь Владычнюю, излитую за насъ на Голгоѣѣ. Значить, что было въ моментъ установленія таинства, то же, нужно предположить, бываетъ и во все послѣдующее время его совершенія, тѣмъ болѣе, что тогда, при первомъ вкушеніи, тѣло Христа еще не было пригвождено ко кресту и кровь Его не была излита, а между тѣмъ Онъ самъ пилъ Свою кровь и учениковъ Своихъ приоб-

щиль ею; не слѣдуетъ ли отсюда, не естественно ли на этомъ основаніи заключить, что и всегда, согласно слову Спасителя, въ евхаристіи реально присутствуетъ истинная кровь Его, послѣ того какъ уже совершилась Голгооская жертва? Понятно, что и нынѣ вѣрующіе принимаютъ тѣло и кровь Господа Іисуса. Поэтому-то именно св. евхаристія служить, по слову св. отца, какъ непреложнымъ доказательствомъ того, что воплотившійся Сынъ Божій дѣйствительно принесъ Себя въ жертву, ибо самое „тайнство“, по нему, „есть страданіе и крестъ“, такъ вмѣстѣ и воспоминаніемъ о Его чрезвычайномъ благодѣяніи, искупительной Его смерти за насъ. Слѣдовательно, по ученію св. Златоуста, судя по вышеприведеннымъ его словамъ, въ таинствѣ св. евхаристіи несомнѣнно истинно, реально присутствуетъ пречистое тѣло Господа Іисуса Христа и Его честная кровь ¹⁾). Далѣе св. отецъ вторично упоминаетъ, что Господь и самими таинствами непрестанно напоминаетъ о Своемъ страданіи (δινηκῶς ἀναμνίσκει τοῦ πάθους καὶ διὰ τῶν μυστηρίων), дабы никто не былъ обольщенъ лжеученіями, подобными Маркіонову, Валентинову и Валесову, которыми отвергалось строительство спасенія, и такимъ образомъ *сею священною трапезою Онъ и спасаетъ и вмѣстѣ наставляетъ*, ибо это есть начало благъ (ὁμοῦ μὲν σῴζων, ὁμοῦ δὲ παιδεύων διὰ τῆς ἱερᾶς τραπέζης. Καὶ γὰρ τὸ κεφάλαιον τῶν ἀγαθῶν τοῦτο); а потомъ переходитъ къ объясненію дальнѣйшихъ словъ Христа—по Евангелію Матвея: „отнынѣ не буду пить отъ плода сего винограднаго до того дня, когда буду пить съ вами новое вино въ царствѣ Отца Моего (ст. 29), — при чемъ высказываетъ,

¹⁾ Доказательствомъ этого могутъ служить и тѣ слова св. отца, въ которыхъ «страшнѣйшая трапеза» приравнивается и принимается синонимомъ къ «Владычному тѣлу», что мы видимъ въ самомъ началѣ бесѣды. Кромѣ того въ разсматриваемомъ мѣстѣ можно видѣть намѣкъ на допущеніе предложенія, претворенія вишнихъ элементовъ таинства. Здѣсь говорится, что Христосъ Самъ за вечерю первый, дабы разсѣять смущеніе учениковъ, пилъ Свою собственную кровь; между тѣмъ она фактически еще не была излита за грѣхи міра на крестѣ, слѣдовательно она была образована изъ вина всемогущею силою Тайноучредителя и была принята Имъ въ Свое единеніе, послѣ чего и стало возможнымъ самое причащеніе. Тоже, очевидно, приложимо и къ плоти—хлѣбу. И что дѣйствительно св. Златоустъ допускалъ претвореніе даровъ, это открывается изъ послѣдующаго, о чемъ см. ниже.

что какъ это, такъ и то, что Господь Христосъ по Своемъ воскресеніи пилъ не воду, а вино, сказано, съ тою цѣлю, дабы показать, что въ „таинствахъ“, необходимо употреблять вино, а не воду, подобно тому, какъ и при установленіи его было употреблено вино. Пользуясь замѣчаніемъ евангелиста: „и воспѣвъ, пошли въ гору Елеонскую“, св. отецъ дѣлаетъ укоризну какъ тѣмъ, которые отходятъ отъ обыкновенной трапезы безъ молитвы и возстаютъ отъ нея въ пьянствѣ, такъ и тѣмъ, кои не ожидаютъ окончанія молитвы при совершеніи таинствъ, а эта молитва есть образъ той молитвы. Христосъ, говоритъ онъ, возблагодарилъ прежде, нежели предложилъ трапезу ученикамъ, дабы и мы благодарили. Благодарилъ и воспѣлъ и послѣ, дабы и мы дѣлали то же самое¹⁾).

Не менѣе важное значеніе имѣетъ для насъ и приложеніе къ бесѣдѣ, высказанное св. отцемъ послѣ объясненія предсказанія Спасителя о паденіи апостола Петра, въ каковомъ приложеніи св. Златоустъ говоритъ слѣдующее: *„Будемъ во всемъ повиноваться Богу и ни въ чемъ не будемъ противорѣчитьъ, хотя бы слова Его и казались противными нашимъ мыслямъ и созерцаніямъ, но да управляетъ слово Его нашими мыслями и созерцаніемъ. Такимъ же образомъ будемъ поступать и по отношенію къ таинствамъ, не на внѣшность только взирая, но содержа въ умѣ своемъ слова Христа. Ибо слово Его непреложно, а наше чувство легко обольщается. Первое никогда не погрѣшаетъ, а послѣднее часто обманывается. Посему, когда Христосъ говоритъ: „сіе есть тѣло Мое“, то убѣдимся, будемъ вѣрить и смотрѣть на сіе духовными очами. Христосъ не предалъ намъ ничего чувственного, но все духовное—только въ чувственныхъ вещахъ. Такъ и въ крещеніи чрезъ чувственную вещь—воду сообщается даръ, а духовное дѣйствіе состоитъ въ рожденіи и возрожденіи, или обновленіи. Если бы ты былъ безтѣлесенъ, то Христосъ сообщилъ бы тебѣ сіи дары безтѣлесно; поелику же душа твоя соединена съ тѣломъ, то духовное сообщаетъ Онъ тебѣ чрезъ чувственное. Сколь многіе нынѣ говорятъ: желалъ бы я видѣть лице Христа, образъ, одежду, са-*

¹⁾ Ibidem, n. 2, col. 739—740.

поги! *Вотъ ты видишь Его, прикасаешься къ Нему, вкушаешь Его.* Ты желаешь видѣть одежды Его; а Онъ даетъ тебѣ не только видѣть Себя, но и касаться, и вкушать и принимать внутрь. Итакъ, никто не долженъ приступать съ небреженіемъ, никто съ малодушіемъ, но всѣ съ пламенною любовію, всѣ съ горячимъ усердіемъ и бодростію. Ибо если іудеи ѣли агнца съ готовностію, стоя и имѣя сапоги на ногахъ и жезлы въ рукахъ, то гораздо болѣе тебѣ должно бодрствовать, потому что они готовились идти въ Палестину, посему и имѣли видъ путешественниковъ, а ты готовишься идти на небо“ ¹⁾. На нашъ взглядъ, это мѣсто служить новымъ и весьма сильнымъ подтвержденіемъ вѣры св. Златоуста въ дѣйствительное присутствіе тѣла и крови Христа въ евхаристіи. Здѣсь св. архіепископъ константинопольскій, подобно Кириллу Іерусалимскому, Ефрему Сирину, убѣждаетъ своихъ слушателей въ отношеніи къ евхаристіи полагаться не на свидѣтельство внѣшнихъ чувствъ, которыя нерѣдко обманываются, но вѣрить въ непреложныя слова Господа, смотрѣть на дѣло духовными очами (*νοητοῖς ὀφθαλμοῖς*). И хотя чувственный глазъ, по его слову, видитъ въ таинствѣ хлѣбъ и вино, тѣмъ не менѣе духъ нашъ, споспѣшествуемый вѣрою, долженъ убѣждаться въ невидимомъ—непостижимомъ, въ томъ, что тутъ тѣло и кровь Господа Христа. Стремясь доказать эту мысль и сдѣлать ее улобопріемлемою, онъ разъясняетъ, что такая двойственность зависитъ отъ того, что самъ человѣкъ состоитъ изъ двухъ частей—духовной и чувственной—души и тѣла, вслѣдствіе чего Христосъ сообщаетъ ему невидимые духовно-благодатные дары при посредствѣ чувственныхъ вещей. И въ св. евхаристіи есть видимая сторона—матеріальныя вещества; но эту внѣшнюю сторону нужно строго отличать отъ заключающейся подъ нею дѣйствительности, недоступной для чувственного взора. Доказательствомъ того, что слова св. отца нельзя понимать въ спиритуалистическомъ смыслѣ, намъ кажется, съ достаточною ясностію служить уже то обстоятельство, что, по его слову, всякій вѣрующій, который желаетъ собственными глазами видѣть Христа, въ ехва-

¹⁾ Ibidem, n. 4, col. 743.

ристiи получаетъ несравненно большее,—здѣсь онъ можетъ не только видѣть Его (οὐκ ἰδεῖν μόνον), но и прикасаться или осязать, (ἀλλὰ καὶ ἅψασθαι), и вкушать (καὶ φαγεῖν), и получать внутрь (καὶ λαβεῖν ἔνδον). Если послѣднее выраженіе — λαβεῖν ἔνδον = принять внутрь, сверхъ физическаго, чувственнаго пріятія чего-либо внутрь, можетъ еще быть объяснено въ смыслѣ духовнаго, внутренняго воспріятія, то возможно ли другія два и по дважды употребленныя выраженія—αὐτοῦ ἅπτῃ αὐτόν ἐσθίεις. (Его касаешься, Его ѣшь), и ἅψασθαι καὶ φαγεῖν (т. е. δίδωσιν)—принимать въ значеніи лишь духовнаго воспріятія и полученія тѣла Христова, только въ смыслѣ сообщенія его нашей душѣ? ¹⁾ Между тѣмъ есть и такіе изслѣдователи, которые находятъ въ словахъ св. отца подобный взглядъ на общеніе наше со Христомъ въ таинствѣ. Обыкновенно они ²⁾ обращаютъ вниманіе на очевидную противоположность встрѣчающихся здѣсь терминовъ: αἰσθητὰ - νοητὰ и представляютъ дѣло такъ: по св. Златоусту, будто-бы все, установленное Христомъ, есть духовное, мысленное = νοητόν, а не чувственное = αἰσθητόν, и мы должны смотрѣть на него духовными очами—νοητοῖς αὐτὸ βλέπωμεν ὀφθαλμοῖς; такъ и въ евхаристіи тѣло Христа будто бы не можетъ быть для насъ видимо, осязаемо, вкушаемо и вообще не можетъ быть объектомъ чувственнаго воспріятія; оно объектъ нашей мысли, предметъ духовнаго только воспріятія,—оно дѣйствительно входитъ въ единеніе съ нами, но только духовное, а не чувственно-духовное. Въ подтвержденіе такого толкованія взгляда св. отца пользуются и приводимымъ у него примѣромъ крещенія, въ которомъ вода, говорятъ, есть нѣчто чувственное—αἰσθητόν, реально же объективное, касающееся не нашего тѣла, а нашей души, „νοητόν“—

¹⁾ Глаголь ἅπτω въ языкѣ классическомъ означаетъ завязываю, привязываю, прикрѣпляю; хватаю, поражаю обыкновенно; съ родительнымъ падежемъ—касаюсь, трогаю, беру кого за... (у Гом.)—ср. русское «хапаю»; слѣдовательно имъ означаетъ прикосновеніе — въ матеріальномъ смыслѣ, осязаніе. Смotr. Лексик. Коссовича, ч. I, стр. 215—216. Ср. Лексик. Бензелера и Паппе. Тѣмъ болѣе тоже должно сказать относительно глагола—ἐσθίω и аорист. ср. φαγεῖν.

²⁾ Мы имѣемъ въ виду преимущественно Еббарда,—(«Das Dogma vom heiligen Abendmahl und seine Geschichte», B. I,—Francof. a M. 1845, S. 284—287).

есть возрожденіе и обновленіе (γέννησις καὶ ἀνακαίνισις), одно только связано съ другимъ, одно сопребываетъ съ другимъ. Такимъ образомъ, по ихъ мнѣнію, взглядъ св. Златоуста на евхаристію такой: въ ней мы вкушаемъ хлѣбъ и вино, — это αἰσθητόν, но сущность ея, νοητόν — есть одновременное съ тѣмъ актомъ принятіе внутрь себя Христа, внутреннее, духовное единеніе съ Нимъ, такъ что „если бы св. Златоусту былъ предложенъ вопросъ: хлѣбъ и вино суть ли только символы, или чувственные образы установившагося вообще между нами и Христомъ отношенія, или только простые знаки воспоминанія для нашего разума, то онъ отвѣтилъ бы отрицаніемъ и объявилъ бы хлѣбъ и вино залогомъ одновременнаго, соединеннаго съ тѣлеснымъ ихъ вкушеніемъ, внутренняго-реальнаго общенія Христа съ нашею душою; точно также, если бы его спросили: находятся ли въ хлѣбѣ и винѣ тѣло и кровь Христа и вмѣстѣ съ ними входятъ ли въ насъ чрезъ наши уста, то онъ опять бы отвѣтилъ отрицаніемъ и сказалъ бы, что съ тѣлеснымъ вкушеніемъ залога, по обѣтованію Христа, связывается одновременное внутреннее общеніе Іисуса съ душою“. — Изъ этого объясненія можно принять за несомнѣнное то, что, по св. Златоусту, установленное Іисусомъ Христомъ таинство есть духовное, мысленное, νοητὰ, хотя и въ чувственныхъ формахъ, въ тѣсной связи съ αἰσθητὰ, и что на таинство нужно смотрѣть νοητοῖς ὀφθαλμοῖς; но отсюда, по нашему мнѣнію, не слѣдуетъ, что духовное созерцаніе, смотрѣніе νοητοῖς ὀφθαλμοῖς въ отношеніи къ евхаристіи состоитъ именно въ томъ, чтобы въ ней только видѣть внутреннее единеніе со Христомъ нашей души, происходящее одновременно со вкушеніемъ виѣшнихъ элементовъ. Самъ св. отецъ учить насъ въ данномъ случаѣ полагаться исключительно на слова Спасителя, вѣрить въ ихъ непреложность и, смотря на хлѣбъ и вино евхаристіи, видѣть *въ нихъ*, согласно обѣтованію Господа Христа, истинное Его тѣло и истинную кровь Его. Для утвержденія этой мысли онъ хочетъ отвлечь вниманіе вѣрующихъ отъ видимаго и стремится обратить ихъ взоръ на невидимое, разъясняя необходимость и той и другой стороны въ таинствѣ словами, что Христосъ предалъ намъ, чувственно-духов-

нымъ личностямъ, духовные дары, только въ чувственныхъ вещахъ (ἐν αἰσθητοῖς πράγμασι), или чрезъ, при посредствѣ (διὰ) видимыхъ вещей. И примѣръ крещенія служить только къ поясненію этой необходимости двухъ сторонъ въ таинствѣ. Въ немъ—въ чувственной вещи—водѣ дается духовное благовозрожденіе и обновленіе. Такъ и въ евхаристіи не съ видимымъ актомъ—вкушеніемъ хлѣба и вина только соединяется благодатное, внутреннее общеніе со Христомъ, но въ самомъ вкушеніи внѣшнихъ элементовъ, представляющихся для чувственного взора хлѣбомъ и виномъ, должно содержаться наше дѣйствительное общеніе съ Нимъ, чрезъ нихъ должно случиться и послѣднее. Повторяемъ: св. отецъ хочетъ здѣсь лишь разъяснить, что даръ благодати, какъ и все сверхъчувственное, можетъ быть сообщено чрезъ внѣшнія условія, въ матеріальныхъ вещахъ: ἐπειδὴ σῶματι συμπλέκεται ἡ ψυχὴ, ἐν αἰσθητοῖς τὰ νοητὰ σοι παραδίδωσι (Χριστός), т. е. „такъ какъ душа твоя соединена съ тѣломъ, то и духовное Онъ (Христосъ) сообщаетъ тебѣ въ чувственномъ“; слѣдовательно, и тѣснѣйшее общеніе съ Самимъ Собою, это νοητὰ евхаристіи Онъ сообщаетъ въ воспринимаемыхъ внѣшними чувствами элементахъ—хлѣбѣ и винѣ; но мы, по его выраженію, „не на внѣшность должны взирать, но содержать въ умѣ слова Христа“, и вѣрить, что, вкушая хлѣбъ и вино евхаристіи, на самомъ дѣлѣ реально принимаемъ въ себя Христа, Его пречистое тѣло и Его честную кровь. Съ такимъ пониманіемъ совершенно мирятся и вполне становятся понятными дальнѣйшія, какъ-бы для усиленія дважды повторенныя, слова св. отца, что вѣрующій въ св. евхаристіи не только видитъ Господа Иисуса Христа, но и прикасается къ Нему, вкушаетъ Его, принимаетъ внутрь. Съ этой только точки зрѣнія и все дальнѣйшее разсужденіе св. отца представляется логически связнымъ, послѣдовательнымъ и совершенно понятнымъ. Вотъ что мы находимъ тамъ: „Итакъ, должно всегда бодрствовать; не малое предстоитъ наказаніе тѣмъ, которые недостойно пріобщаются. Подумай, сколь много ты негодуешь на предателя и на тѣхъ, которые распяли Христа. Итакъ берегись, чтобы и тебѣ не сдѣлаться виновнымъ противъ тѣла и крови Христа (μὴ καὶ αὐτός

ἐνοχος γένῃ τοῦ σώματος καὶ αἵματος τοῦ Χριστοῦ). Они умертвили всесвятое тѣло, а ты принимаешь его нечистою душою послѣ толикихъ благодѣяній“. — По мнѣнію св. Златоуста, недостойно причащающійся заслуживаетъ одинаковое наказаніе съ распявшими Господа Христа, потому что и тѣ и другіе одинаково виновны противъ тѣла и крови Его; слѣдовательно, какъ тамъ было распято истинное тѣло Его, такъ и здѣсь принимается истинное же тѣло. Но въ послѣднемъ случаѣ, говоритъ св. отецъ, оно принимается душою (ψυχῇ),—стало быть, принимается въ смыслѣ спиритуалистическомъ? Какъ бы въ предупрежденіе, чтобы кто-нибудь не подумалъ такъ, онъ и продолжаетъ: „Ибо не довольно было для Него того, что Онъ содѣлался человѣкомъ, былъ заушаемъ и умерщвленъ; но Онъ еще *сообщаетъ Себя намъ* (καὶ ἀναφέρει ἑαυτὸν ἡμῖν), *и не впрою только, но и самымъ дѣломъ содѣлываетъ насъ Своимъ тѣломъ* (καὶ οὐ τῇ πίστει μόνον, ἀλλὰ καὶ αὐτῷ τῷ πράγματι σῶμα ἡμᾶς αὐτοῦ κατασκευάζει)“. — Нельзя, конечно, понять эти слова въ томъ смыслѣ, что Христосъ будто бы духовно лишь соединяется съ нами, что мы не только субъективно вѣримъ, думаемъ быть, но и дѣйствительно становимся, вслѣдствіе этого внутренняго единенія съ нами, Его тѣломъ, дѣйствительно принимаемъ Его въ себя, въ свою душу. Св. отецъ хочетъ здѣсь сказать *не о способѣ нашего общенія со Христомъ*, не о томъ, что мы дѣйствительно, а не мечтательно, вступаемъ въ центральное, внутреннее общеніе съ Нимъ, *но о способѣ общенія Господа Христа съ нами*, о томъ, что Онъ самымъ дѣломъ—аὐτῷ τῷ πράγματι, а не духовно только содѣлываетъ насъ Своимъ тѣломъ; значить, единеніе Его съ нами не духовное только, внутреннее, центральное, но дѣйствительное, реальное, есть общеніе Его со всѣмъ нашимъ и духовнымъ и физическимъ организмомъ. И если дѣйствительно Онъ удѣляетъ Себя намъ, если мы дѣйствительно принимаемъ Его плоть и кровь, то сіи послѣднія, какъ принадлежащія Всемогущему, натурально производятъ то, что мы становимся причастниками, общниками Его естества. Самъ св. Златоустъ подтверждаетъ нашъ взглядъ дальнѣйшими словами. Сказавъ, что Христосъ „не только впрою, но и самымъ дѣломъ

насъ Своимъ тѣломъ содѣлываетъ“, онъ продолжаетъ: „сколь же чистъ долженъ быть тотъ, кто наслаждается сею жертвою! Сколь чище всѣхъ лучей солнечныхъ должна быть рука, раздробляющая эту плоть (τὴν ταύτην τὴν σάρκα), уста, наполненные духовнымъ огнемъ, языкъ, обограемый страшною кровію! Помысли, какой чести удостоенъ ты, какою наслаждаешься трапезою! На что съ трепетомъ взирають ангелы, и не смѣютъ воззрѣть безъ страха, по причинѣ исходящаго отсюда сіянія, тѣмъ мы питаемся (τοῦτο ἡμεῖς τρεφόμεθα), съ тѣмъ сообщаемся (τοῦτο ἀναφύρομεθα) и дѣлаемся однимъ тѣломъ и одною кровію со Христомъ (καὶ γεγόναμεν ἡμεῖς Χριστοῦ σῶμα ἐν καὶ σὰρξ μία). Кто возлагаетъ силы Господни, слышаны сотворить вся хвалы Его (Псал. XV, 2)? Какой пастырь питаетъ овецъ собственными членами? Но что я говорю — пастырь? Часто бываютъ такія матери, которыя новорожденныхъ младенцевъ отдаютъ кормилицамъ. Но Христосъ не потерпѣлъ сего. *Онъ питаетъ насъ Своею кровію* (др. плотію) *и чрезъ сіе соединяетъ насъ съ Собою* (αὐτὸς ἡμᾶς τρέφει οἰκείῳ αἵματι)“. — Очевидно, эти слова св. отца нельзя уже понять въ значеніи духовнаго только принятія Христа. Противъ этого говоритъ и приведенный примѣръ питанія младенцевъ. Христосъ истинно питаетъ насъ Своими собственными членами, Своею плотію и кровію, именно въ таинствѣ евхаристіи, почему мы и должны стремиться къ сей „священной трапезѣ и къ сосцу духовной чаши“, чтобы соединиться со Христомъ. Какъ бы въ доказательство возможности такого питанія нашего св. отецъ учить, что дѣйствія сего таинства совершаются не человѣческою силою. „Тотъ, Кто сотворилъ ихъ на оной вечери, совершаетъ ихъ и нынѣ. *Мы занимаемъ мѣсто слугъ*, говоритъ затѣмъ святитель, *освящаетъ же и претворяетъ дары самъ Христосъ*“. Потому къ ней не должны приступать тѣ, кои не изъ числа учениковъ Христовыхъ. Эта трапеза та же, (которую предложилъ Христосъ), и ничѣмъ не меньше оной. Нельзя сказать, что ту устрояетъ Христосъ, а эту — человѣкъ, но ту и другую — самъ Христосъ ¹⁾.

¹⁾ S. Ioann. Chrysost. op. t. VII, 2, in Matth. hom. LXXXII, n. 6, col. 743—744.

Если мы, судя по словамъ св. Златоуста, что Іисусъ Христосъ самъ пилъ Свою кровь и сдѣлалъ причастниками ея учениковъ, когда эта кровь еще не была фактически излита на крестѣ, высказали ранѣе предположеніе, что онъ допускалъ идею претворенія даровъ, то здѣсь находимъ неоспоримое подтвержденіе этого своего предположенія. Предлежащее, говоритъ св. Златоустъ, дѣло не человѣческой силы; таинство св. евхаристіи и нынѣ совершаетъ Тотъ-же, Кто совершилъ его въ первый разъ; какъ и что было тогда, такъ то же совершается и теперь; ту и другую трапезу устрояетъ самъ Христосъ. Правда, между ними есть и различіе: ту І. Христосъ совершилъ безъ всякаго посредства, а эту совершаетъ при посредствѣ слугъ—пастырей церкви; но существенное, главнѣйшее дѣйствіе—освященіе и претвореніе даровъ принадлежитъ Ему одному, „*освящающій же (ἁγιάζων) и претворяющій (μετασχευάζων) ихъ—Онъ самъ*“. Остается неразъясненнымъ только, въ чемъ именно состоитъ освященіе и претвореніе даровъ¹⁾. Достоверно одно: св. отецъ допускалъ такое дѣйствіе Тайноучредителя—Господа І. Христа, по которому хлѣбъ и вино евхаристіи становятся истиннымъ тѣломъ и истинною кровію Его. Вслѣдствіе сего понятно и дальнѣйшее обращеніе св. вселенскаго учителя къ „служителямъ таинства“ съ увѣщаніемъ, что они понесутъ не малое наказаніе, если, признавъ кого-либо нечестивымъ, будь онъ полководецъ, или начальникъ, или даже украшенный діадимою, позволятъ причаститься сей трапезы; они поставлены наблюдать за этимъ и въ томъ ихъ достоинство, важность и вѣнецъ. Не столь опасно, утверждаетъ онъ, приступать къ сему таинству бѣснующимъ, сколько тѣмъ, которые, какъ говоритъ Павелъ, *попираютъ Христа*, не почитаютъ за святыню кровь завѣта и ругаются надъ благодатію Духа (Евр. X, 29). Приступающіе недостойно предаются вѣчному мученію... Убоявшись самъ, говоритъ онъ въ заключеніе священнодѣйствующему пресвитеру, скажи мнѣ. Я скорѣе предаю душу свою, чѣмъ при-

¹⁾ Не даютъ о томъ яснаго понятія и употребленные здѣсь термины: ἁγιάζων—освящающій, очищающій и μετασχευάζων—пересооружающій, передѣлывающій, перемѣняющій, удаляющій.

чащу страшной крови того, кого не должно“. Заключение — достойное вѣры великаго пастыря. Еще разъ высказавъ свое убѣжденіе, что принимающій таинство принимаетъ въ себя самого Христа, почему и приступающій недостойно — попираетъ Сына Божія, онъ убѣждаетъ священнослужителей допускать къ святынь только лицъ достойныхъ, а нечестивыхъ удалять, не взирая на ихъ общественное положеніе, и тѣмъ запечатлѣваетъ свой взглядъ на величіе таинства. Итакъ, въ разсмотрѣнной бесѣдѣ 1) излагается ученіе о дѣйствительномъ присутствіи Іисуса Христа въ евхаристіи; 2) о реальномъ принятіи вѣрующими тѣла и крови Его, а не о внутреннемъ, духовномъ только единеніи съ Спасителемъ; 3) дается разъясненіе того, почему въ таинствѣ евхаристіи находятся и нужны внѣшніе элементы и 4) говорится, что св. дары освящаетъ и претворяетъ самъ Господь Іисусъ Христосъ.

2. Изъ бесѣдъ св. Златоуста на евангеліе Іоанна къ нашему предмету относятся главнымъ образомъ двѣ: XLVI и XLVII; хотя начало толкованія на ученіе Спасителя „о хлѣбѣ животномъ“ находится и въ XLV бесѣдѣ, въ которой, между прочимъ, говорится, что Іисусъ Христосъ словами, обращенными къ іудеямъ: „Отецъ Мой дастъ вамъ хлѣбъ истинный съ небесъ (VI гл. 32 ст.),“ указалъ на Себя. „Хлѣбомъ же истиннымъ, въ противоположность маннѣ, называть этотъ хлѣбъ не потому, что чудо надъ манною было ложно, а потому, что *она была образомъ, а не самою истиною*. Намѣреваясь затѣмъ приступить къ ученію о таинствѣ, Онъ сначала бесѣдуетъ о Своемъ Божествѣ, говоря: „Я есмь хлѣбъ жизни“,—ибо это сказано не о тѣлѣ. О тѣлѣ говоритъ подъ конецъ: „хлѣбъ, который Я дамъ, есть плоть Моя“, а теперь говоритъ о Божествѣ. *Ибо плоть (Христова) ради Бога Слова есть хлѣбъ, равно какъ и этотъ хлѣбъ ради нѣтія на него Духа бываетъ хлѣбомъ небеснымъ*“¹⁾. Это служить какъ бы введеніемъ къ объясненію ученія о таинствѣ евхаристіи; здѣсь даются только общія положенія, безъ раздѣльнаго и точнаго изложенія взгляда, говорится только, что истинно-че-

¹⁾ S. Joann. Chrysost. op. t. VIII,—in Joannem hom. XLV, n. 1, 2, col. 252—253.

ловѣческая плоть Христа дѣлается для вѣрующихъ никогда неоскудѣвающимъ хлѣбомъ, такъ какъ она была принята въ ипостасное единеніе Богомъ Словомъ,—равно какъ и хлѣбъ ехаристіи, вслѣдствіе наитія Св. Духа, является не простымъ, обыкновеннымъ хлѣбомъ, но становится хлѣбомъ небеснымъ, однако безъ поясненія, что это значить. Хлѣбомъ животнымъ Спаситель называетъ Себя, по слову Златоуста, „потому, что отъ Него зависитъ наша жизнь и настоящая и будущая. Оттого Онъ и присовокупилъ: *ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во вѣкъ, разумѣя здѣсь подъ хлѣбомъ или спасительные догматы и вѣру въ Него, или Свое тѣло, потому что и то и другое укрѣпляютъ душу*“¹⁾ И затѣмъ св. отецъ въ XLVI бесѣдѣ переходитъ къ показанію различія между хлѣбомъ животнымъ и манною, при чемъ подъ первымъ мыслить уже только плоть Христову, вкушающій которую жить будетъ во вѣкъ, между тѣмъ какъ ѣвшіе манну умерли въ пустынѣ, и она не перешла въ землю обѣтованную, послѣ чего рѣшаетъ вопросъ: „благовременно ли было говорить: хлѣбъ, который Я дамъ, есть плоть Моя, которую Я отдамъ за жизнь міра (ст. 51), ибо многимъ эти слова показались жестокими?“ Отвѣтъ дается утвердительный, потому что Христосъ, въ униженіе іудеевъ, искавшихъ пищи тѣлесной, упоминаетъ о пищѣ духовной, самой истинѣ вещей, и ученіе это не новое,—на него прикровенно указывалъ прежде Іоаннъ Креститель, называя Христа Агнцемъ; равно не было понятно оно и ученикамъ, однако эти не отошли отъ Него. Іудеи, замѣчаетъ св. отецъ, въ то время не получили никакой пользы отъ сказаннаго; а мы уже на самомъ дѣлѣ пользуемся симъ благодѣяніемъ. Поэтому и *нужно узнать чудо таинствъ* (τὸ θαῦμα τῶν μυστηρίων), *въ чемъ оно состоитъ, для чего дано и какая отъ него польза*²⁾. Слѣдовательно, онъ хочетъ показать сущность таинства, въ чемъ заключается его непостижимая сторона, цѣль его установленія и естественные плоды участія въ немъ, т. е. предложить рѣшеніе существенныхъ вопросовъ, подлежащихъ нашему изученію. Своему

¹⁾ Ibidem, in Ioannem hom. XLVI, n. 1. col. 259.

²⁾ Ibidem, hom. XLVI, n. 2, col. 259—260.

отвѣту на представленные пункты св. отецъ предпосылаетъ текстъ изъ посланія ап. Павла (Ефес. V, 30): одно тѣло мы бываемъ и члены отъ плоти Его (Христа) и отъ костей Его; послѣ чего пригласивъ къ вниманію этимъ словамъ посвященныхъ, продолжаетъ: „итакъ, чтобы не любовію только, но и самымъ дѣломъ намъ сдѣлаться ими (т. е. членами плоти Христовой), *мы должны соединиться съ сею плотію. А это бываетъ чрезъ пищу, которую (Христосъ) даровалъ, желая показать намъ ту сильную любовь, какую имѣетъ Онъ къ намъ.* Для того Онъ смѣсилъ самого Себя съ нами и растворилъ тѣло Свое въ насъ, чтобы мы составили нѣчто единое, какъ тѣло, соединенное съ главою. И это есть доказательство самой сильной любви. На это указываеъ и Іовъ, когда говорилъ о своихъ слугахъ, которые такъ сильно любили его, что желали сродниться съ его плотію: кто бы намъ далъ насытиться отъ плоти его (Іов. XXXI, 31), говорили они, желая выразить свою сильную любовь къ нему. Почему, конечно, и Христосъ сдѣлалъ тоже: *вводя насъ въ большее содружество съ Собою и показывая Свою любовь къ намъ, Онъ представилъ желающимъ не только видѣть Его, но и осязать, и ѣсть, и вонзать зубы въ плоть, и соединяться и исполнять всякое желаніе.* Будемъ же отходить отъ этой трапезы, какъ львы, дышащіе огнемъ, страшными для діаволовъ, и помышляя о нашей Главѣ и о той любви, какую Онъ показалъ къ намъ. Часто родители отдають дѣтей своихъ на вскормленіе другимъ; а Я, говорить (Спаситель), не такъ, но питаю васъ Своею плотію, самого Себя предлагаю вамъ, желая, чтобы всѣ вы были благородны, и подавая вамъ благія надежды на будущее. Ибо Кто отдалъ вамъ самого Себя здѣсь, Тотъ тѣмъ болѣе (сдѣлаетъ для васъ тамъ)—въ будущемъ. Я восхотѣлъ быть вашимъ братомъ; *Я ради васъ пріобщился плоти и крови, и эту плоть и кровь, чрезъ которая Я сдѣлался скровнымъ съ вами, Я опять преподанъ вамъ“* ¹⁾).

Предложенное св. Златоустомъ ученіе о сущности и цѣли таин-

¹⁾ Ibidem, n. 3, col. 260—261.

ства евхаристіи, какъ показываютъ вышеприведенныя слова, исходною точкою имѣеть идею нашего тѣснѣйшаго, реальнаго общенія со Христомъ, дабы намъ стать единымъ тѣломъ и членами плоти Христовой. А чтобы достигнуть послѣдняго, чтобы намъ сдѣлаться членами Христовыми, говоритъ св. отецъ, и при томъ не любовію только (*μη μόνον κατὰ τὴν ἀγάπην*), духовно, но самымъ дѣломъ (*κατ' αὐτὸ τὸ πρᾶγμα*), истинно,—для сего мы должны соединяться (*ἀναπερασθῶμεν*) съ его плотію. И затѣмъ показываетъ путь, какимъ образомъ мы можемъ достигнуть этого общенія. Сіе совершается, пишетъ онъ, въ таинствѣ, или *бываетъ чрезъ пищу* (*διὰ τῆς τροφῆς*), которую Христосъ даровалъ, желая показать намъ сильную любовь (*τὸν πόθον*), какую имѣеть Онъ къ намъ. Не опредѣляя, такимъ образомъ, сущности самой пищи, подъ которою мы естественно должны разумѣть евхаристію, св. отецъ намѣчаетъ цѣль ея дарованія намъ Христомъ,—чрезъ нее Онъ хотѣлъ выразить Свою величайшую любовь къ намъ. „Для того Онъ (Христосъ) смѣсилъ самого Себя съ нами и растворилъ Свое тѣло въ насъ, чтобы мы составили нѣчто единое, какъ тѣло, соединенное съ главою. *И это знакъ самой сильной любви*“. Конечно, и воплощеніе Сына Божія, принятіе Имъ въ Свое естество природы человѣческой, есть дѣло величайшей любви Его къ намъ; но не объ этомъ актѣ безконечной любви Спасителя къ роду человѣческому говоритъ здѣсь св. Златоустъ: ни прежде, ни послѣ нѣтъ у него рѣчи о воплощеніи Слова, потому и упомянутое здѣсь сораствореніе, смѣшеніе тѣла Христа съ нами нужно относить къ моменту Его тѣснѣйшаго—реальнаго единенія съ нами въ таинствѣ евхаристіи, о чемъ съ такою ясностію говорится далѣе: Онъ, т. е. Господь І. Христосъ, далъ желающимъ не только видѣть Его (*οὐκ ἰδεῖν αὐτὸν μόνον παρέσχε*), но и осязать (*ἅψασθαι*), и ѣсть (*καὶ φαγεῖν*), и вонзать зубы въ плоть (*καὶ ἐμπῆξαι τοὺς ὀδόντας τῇ σαρκί*) и соединяться (*καὶ συμπλακῆναι*) и исполнять всякое желаніе (*καὶ τὸν πόθον ἐμπλῆσαι πάντα*). Мысль о реальномъ вкушеніи тѣла и крови Христа въ св. таинствѣ здѣсь высказана съ полною ясностію и понять ее въ смыслѣ метафоры положительно невозможно. „Св. Златоустъ, говоритъ одинъ рим.-католическій изслѣ-

дователь ¹⁾), своимъ образомъ выраженія идетъ здѣсь даже далѣе церковнаго ученія, потому что онъ заставляетъ прямо относить къ тѣлу Господа все, что должно было бы отнести въ качествѣ предикатовъ только къ акциденціи, или виду въ св. евхаристіи, какъ напр. раздробленіе зубами“. На нашъ взглядъ, это объясняется признаніемъ тѣсной связи между внутренней стороною таинства и внѣшнею. Для евхаристіи, какъ непостижимѣйшаго таинства, нѣтъ въ церковномъ-догматическомъ языкѣ точнѣйшихъ, недопускающихъ никакихъ недоразумѣній и раздѣльныхъ выраженій. Обыкновенно нѣчто аналогичное съ тѣмъ, что приложимо только къ виду—въ строгомъ смыслѣ слова, представляется и въ тѣлѣ Христа. „Раздробляется, раздѣляется, читаемъ мы также въ нашемъ Служебникѣ ²⁾), Агнецъ Божій, раздробляемый и нераздѣляемый, всегда ядомый и никогда же изживаемый, но причащающіяся освящай“. Судя строго, здѣсь не мало логически неразрѣшимыхъ противорѣчій; но они получаютъ свое разъясненіе, если мы примемъ во вниманіе, что тутъ нельзя искать и ожидать логическаго разграниченія между обѣими сторонами таинства,—почему одно и переносится на другое. Остается внѣ всякаго сомнѣнія то, что, по мнѣнію св. Златоуста, желающій въ евхаристіи истинно принимаетъ своими устами тѣло и кровь Господа. И какъ бы желая еще усилить съ поразительною рѣзкостью высказанныя мысли, св. архіепископъ константинопольскій снова повторяетъ, что І. Христосъ въ евхаристіи любитъ насъ болѣе, чѣмъ мать свое дитя, потому что Онъ не только восхотѣлъ сдѣлаться нашимъ братомъ, но и *питаетъ насъ Своею плотію* ³⁾), предлагаетъ намъ Себя, естественно подавая тѣмъ благія надежды на будущее; Онъ ради насъ не только приобщился плоти и крови, сдѣлался истиннымъ человѣкомъ, не переставая быть Богомъ, но эту же самую плоть и кровь, посредствомъ которыхъ Онъ содѣлался скровнымъ, опять предлагаетъ

¹⁾ См. Schwanе, — Dogmengeschichte der patristischen Zeit (325—787), Münster, 1869 г., Theil. IV, § 97, S. 1001.

²⁾ См. Служебникъ, изд. Синод. типогр., С.-Петербургъ, 1867 г. стр. 173.

³⁾ τὰς σαρκὶ τρέφω, φησὶ, τὰς ἐμαῖς.

намъ ¹⁾), разумѣя, безъ сомнѣнія, — въ таинствѣ евхаристіи. Слѣдовательно, по представленію св. Златоуста, евхаристическое тѣло Господа Христа совершенно тождественно съ тѣмъ, которое было образовано въ утробѣ Приснодѣвы и послѣ того распято на крестѣ. Къ сожалѣнію, тутъ еще не дано разъясненія того, какъ совершается, что изъ хлѣба является тѣло Христово, и какое отношеніе между различными только видами одного и того же тѣла Его ²⁾). Зато цѣль участія во св. таинствѣ, которое служитъ доказательствомъ величайшей къ намъ любви Господа Христа, выражена съ достаточною ясностію. Св. отецъ говоритъ здѣсь: „Христосъ растворилъ тѣло Свое въ насъ, чтобы мы составили нѣчто единое, какъ тѣло, соединенное съ главою“ ³⁾), т. е., говоря иначе, Господь даровалъ вѣрующимъ Свою плоть и кровь для вкушенія съ тою цѣлію, чтобы они чрезъ свое причащеніе срослись въ одно тѣло, образовали одинъ живой организмъ съ главою — Христомъ, а вслѣдствіе этого каждый изъ нихъ, какъ истинный членъ безсмертнаго тѣла всемогущаго Господа, явился бы полнымъ вѣчной жизни членомъ никогда нескончаемаго царствія Христова, или Его церкви: взглядъ насколько православный, настолько и заслуживающій полнаго вниманія. Въ немъ, можно сказать, находятъ себѣ объясненіе нѣсколько темныя, вслѣдствіе своей общности, и нерѣдко возбуждающія не мало недоумѣній — выраженія св. отцевъ относительно слѣдствій причащенія въ отношеніи къ намъ, каковы напр. выраженія: „мы обожаемъ“, или „становимся стѣлесными и скровными Христу“ и под., безъ дальнѣйшихъ прибавленій. Такимъ образомъ здѣсь отчасти уже данъ от-

¹⁾ πάλιν αὐτὴν ὄντιν τὴν σάρκα καὶ τὸ αἷμα, δι' ὧν συγγενὴς ἐγενόμην, ἐκδίδωμι.

²⁾ По мысли вселенскаго учителя, вѣрующій въ евхаристіи вкушаетъ истинное тѣло и истинную кровь Христа, между тѣмъ — какъ ему преподаются съ виду только хлѣбъ и вино. Единственно возможное объясненіе подобнаго факта — это призваніе претворенія даровъ, или допущеніе того творческаго акта, по которому хлѣбъ и вино существенно прелагаются въ тѣло и кровь Господа Христа, такъ что остаются только ихъ виды, а не матеріальная сущность. Такимъ образомъ, хотя св. отецъ не говоритъ прямо, но даетъ всѣ основанія къ предположенію, что онъ признаетъ существенное претвореніе св. даровъ.

³⁾ ἵνα ἔν τι ὁπαρήσμεν, καθάπερ τῶν κεφαλῇ συνημιμένον.

вѣтъ и на третій вопросъ св. отца: „какая польза отъ таинства“, хотя рѣшеніе его составляетъ предметъ дальнѣйшаго разсужденія. Въ немъ св. Златоустъ говоритъ объ освященіи насъ кровію І. Христа, при чемъ евхаристическую кровь считаетъ совершенно тождественною съ изливою на крестѣ и нимало не разграничиваетъ ихъ: „эта кровь, говоритъ онъ, придаетъ намъ видъ цвѣтущій—царскій, рождаетъ красоту неизобразимую, не даетъ увядать благородству души (τῆς ψυχῆς τῇ εὐφρασίᾳ), напоая ее и питая. Эта кровь, достойно принимаемая, отстраняетъ и далеко прогоняетъ отъ насъ демоновъ, призываетъ же къ намъ ангеловъ и Владыку ангеловъ. Демоны бѣгутъ оттуда, гдѣ видятъ Владычнюю кровь, а ангелы туда стекаются. *Пролитая (на крестѣ) эта кровь омыла всю вселенную*“... „Ея прообразъ, продолжаетъ онъ далѣе, кровь ветхозавѣтнаго жертвеннаго агнца, очистила святое святыхъ, поставляла во священника, омывала грѣхи,—то что нужно сказать о самой истинѣ? Она—спасеніе душъ нашихъ; ею душа омывается, ею украшается, ею воспламеняется; она дѣлаетъ нашъ умъ свѣтлѣе огня; она дѣлаетъ нашу душу чище золота, эта кровь излилась—и содѣлала небо доступнымъ для насъ“¹⁾.—Говоря короче, св. отецъ учитъ, что чрезъ евхаристическую кровь Господа Христа наша душа очищается отъ грѣховъ, обновляется въ силахъ, украшается и спасается, потому что это—кровь, которою мы искуплены; откуда, какъ естественное заключеніе слѣдуетъ, что „страшны поистинѣ таинства церкви, страшенъ поистинѣ жертвенникъ“²⁾. И эту священную трапезу, отъ коей получаютъ такіе результаты, онъ картинно представляетъ подъ видомъ трапезы, отъ которой происходитъ источникъ, изводящій духовныя рѣки, и этотъ источникъ есть источникъ свѣта, изливающий лучи истины, къ нему стекаются горнія силы. Сильнѣе огня кипитъ и стремится онъ, но не сожигаетъ, а только очищаетъ все, чего касается. Эта кровь, говоритъ затѣмъ св. авторъ, издревле была прообразована на жертвенникахъ въ закланіяхъ, опредѣленныхъ закономъ. Она цѣна вселенной (τοῦτο ἡ τιμὴ τῆς

¹⁾ Ibidem, n. 3, col. 261.

²⁾ φοικτὰ ὄντως τὰ μυστήρια τῆς ἐκκλησίας, φοικτόν ὄντως το θυσιαστήριον. •

οἰκουμένης); ею Христосъ купилъ церковь (τοῦτο ἡγόρασε τὴν ἐκκλησίαν ὁ Χριστός), ею Онъ всю ее украсилъ. Какъ тотъ, кто покупаетъ слугъ, даетъ за нихъ золото и потомъ, желая ихъ украсить, украшаетъ ихъ золотомъ; такъ и Христосъ и купилъ насъ кровію и украсилъ насъ кровію. Приобщающіеся этой крови стоятъ вмѣстѣ съ ангелами, архангелами и горними силами, облеченные въ царскую одежду Христову и имѣя духовное оружіе. Но этимъ я еще не сказалъ ничего великаго: *они бывають облечены въ самого Царя* (αὐτὸν γὰρ εἰσὶν ἐνδεδυμένοι τὸν βασιλέα). Но сколько велико и чудно это таинство, столько (вѣрно и то, что) если приступишь къ нему съ чистотою, приступишь во спасеніе, если же—съ совѣстію лукавою, то въ наказаніе и мученіе. Яднй бо, сказано, и пійй Господа (τοῦ Κυρίου—св. отецъ вставляетъ въ слова апостола отъ себя) недостойнѣ,—судь себѣ ясть и пїеть (1 Кор. XI, 29). Если и оскверняющіе царскую порфиру наказываются одинаково съ раздирающими ее, то *что удивительнаго, если приѣмлющіе тѣло Христово съ нечистою душою подвергнутся одинаковому наказанію съ тѣми, кои истерзали Его воздаями?* Почему св. вселенскій учитель и приглашаетъ быть внимательными къ самимъ себѣ, наслаждаясь такими благами (τοιούτων ἀπολαύοντες ἀγαθῶν)¹⁾. Итакъ, св. Златоустъ, касаясь слѣдствій причащенія, въ то же время съ новой силою утверждаетъ тождество евхаристическаго тѣла и крови съ тѣми, которыми мы искуплены; почему и недостойно, въ нечистотѣ души, приступающій къ принятію ихъ заслуживаетъ одинаковое наказаніе съ распявшими Христа, между тѣмъ причащающійся съ чистою совѣстію не только получаетъ очищеніе отъ грѣховъ и спасеніе, но и доступъ къ Всевѣтѣйшему, общеніе съ горними силами, облеченіе въ самого Царя; его душѣ сообщается и сверхчувственная прелесть и небесная сила.

Въ слѣдующей XLVII бесѣдѣ св. Златоустъ прежде всего касается словъ Господа Христа: „истинно говорю вамъ, если кто не будетъ ѣсть плоти Моей и пить крови Моей, тотъ не будетъ.

¹⁾ Ibidem, n. 4, col. 261—262

имѣть жизни въ себѣ“, и утверждаетъ, что, слыша ихъ, іудеи пришли въ недоумѣніе, такъ какъ считали дѣломъ невозможнымъ ѣсть Его тѣло и пить Его кровь, а между тѣмъ Спаситель, по слову св. отца, ясно показываетъ, что это—не только не невозможно, но и весьма необходимо, почему и присовокупляетъ: „ядущій Мою плоть и пьющій Мою кровь имѣетъ жизнь вѣчную, и Я воскрешу его въ послѣдній день (Іоан. VI, 54), т. е., перифразируетъ онъ рѣчь Спасителя, желая разрѣшить недоумѣніе и показать, что причащающійся дѣйствительно не умретъ навсегда, Онъ упомянулъ о воскресеніи. Часто же касается таинства, дабы показать, какъ оно необходимо (*δεῖχνός τοῦ πράγματός τὸ ἀναγκαῖον*), и что оно непременно должно быть (*καὶ ὅτι αὐτὸ πάντως γενέσθαι δεῖ*). Плоть Моя истинно есть пища, и кровь Моя истинно есть питіе (VI, 55). Что значать эти слова? *Ими Онъ хочетъ или сказать то, что плоть Его есть истинное брашно, спасающее душу, или же увѣрить ихъ въ сказанномъ, такъ чтобы они не считали словъ Его загадкою и притчею, но знали, что непременно должно ѣсть Его тѣло.* Потомъ говоритъ: ядущій Мою плоть во Мнѣ пребываетъ (ст. 56),—этимъ показываетъ, что такой человѣкъ соединяется съ Нимъ“¹⁾. Итакъ, св. Златоустъ ясно учить, что 1) евхаристія совершенно необходима, и 2) слова Господа о вкушеніи Его плоти и питія крови нужно понимать буквально, а не въ приточномъ смыслѣ. Наконецъ, судя по дальнѣйшему, мы должны прибавить, что 3) по св. Златоусту—причащеніе доставляетъ единеніе со Христомъ, воскресеніе и вѣчную славную жизнь. Въ словахъ Спасителя, говорить онъ: и ядущій Меня жить будетъ Мною (ст. 57), жизнь разумѣется не обыкновенная, но прославленная. А что Христосъ говоритъ о жизни не обыкновенной, но о той славной и неизреченной, это видно изъ того, что и всѣ невѣрующіе и непосвященные тоже живутъ, хотя и не вкушаютъ той плоти. И не объ общемъ также воскресеніи говоритъ, такъ какъ всѣ одинаково воскреснутъ, но о воскресеніи особенномъ, славномъ, соединенномъ

¹⁾ Смотр. S. Joann. Chrysost. op. t. VIII, in Joannem hom. XLVII, n. 1, col. 263.

съ наградою“ ¹⁾).—Кромѣ того, въ этой бесѣдѣ для насъ имѣеть особенное значеніе то объясненіе, какое дается св. отцемъ изреченію І. Христа: „Духъ животворить; плоть не пользуется нимало. Слова, которыя говорю Я вамъ, суть духъ и жизнь“ (Іоан. VI, 63). Конечно, если бы св. Златоустъ держался спиритуалистическаго взгляда и въ отношеніи ученія объ евхаристіи былъ символистомъ, то онъ, пользуясь такимъ случаемъ, не преминулъ бы упомянуть о томъ, что рѣчь Господа Христа о вкушеніи Его плоти слѣдуетъ понимать не въ прямомъ, буквальномъ смыслѣ, а духовно. Не то мы видимъ на дѣлѣ. Св. отцу представляется дѣломъ *плотскаго* помышленія, которое не приноситъ никакой пользы, не вѣрить въ божественное достоинство Христа и сомнѣваться въ Его словахъ. „Христосъ“, читаемъ мы у него далѣе, „указавъ на множество догматовъ, присовокупляетъ и другое рѣшеніе недоумѣнія іудеевъ, говоря: духъ животворить; плоть не пользуется нимало. Это значить, *что говорится обо Мнѣ, тому должно внимать духовно* (πνευματικῶς δεῖ τὰ περὶ ἐμοῦ ἀκούειν); *а кто внимаетъ чувственно* (плотски), *тотъ ничего не приобретаетъ и не получаетъ никакой пользы* (ὁ γὰρ σαρκικῶς ἀκούσας, οὐδὲν ἀπώνατο, οὔτε Χριστὸν τι ἀπέλαυσε). Сомнѣваться же въ томъ, какъ Онъ сошелъ съ неба, и думать, что Онъ сынъ Іосифа, *и спрашивать: какъ можетъ дать намъ ѣсть плоть Свою,— было дѣломъ плотскаго слушанія*, между тѣмъ какъ все это слѣдовало понимать таинственно и духовно (μυστικῶς καὶ πνευματικῶς). Но откуда, скажешь, они могли повѣять, что такое значить ѣсть плоть? Потому-то имъ и нужно было выждать удобнаго времени и спросить, а не оставлять Его. Слова, которыя Я говорилъ вамъ, суть духъ и жизнь, т. е. божественны и духовны, не заключаютъ въ себѣ ничего плотскаго и не подлежатъ естественному порядку ²⁾, но чужды всякой этого рода необходимости ³⁾, и выше законовъ, дѣйствующихъ на землѣ ⁴⁾, имѣють же смыслъ

¹⁾ Ibidem.

²⁾ ἔχοντα οὐδὲ ἀκολουθίαν φυσικήν.

³⁾ ἃ καὶ ἀπῆλλοντα: πάσης μὲν τοιαύτης ἀνάγκης.

⁴⁾ ὑπέρχεται καὶ τῶν νόμων τῶν ἐνταῦθα κειμένων.

иной (ἐτέρου δὲ νοῦν), особенный“¹⁾). Такимъ образомъ внимать словамъ Спасителя и вполне полагаться на нихъ, не смотря на видимую ихъ противоположность дѣйствующимъ въ мірѣ физическимъ законамъ, по мнѣнію св. Златоуста, и значить понимать духовно; въ допущеніи божественности, превыше естественности въ отношеніи къ словамъ Христа заключается именно то истинное пониманіе, которое животворить. И слѣдовательно, по взгляду св. отца, слова Христа, „духъ животворить, плоть не пользуется нимало“ выражаютъ только мысль о способѣ нашего отношенія къ рѣчамъ Спасителя: принимаемъ ли мы ихъ съ вѣрою, не взирая на то, согласно или несогласно данное ученіе—на обыкновенный взглядъ—съ естественными законами, или же прилагаемъ къ нимъ эту земную мѣрку: первое отношеніе есть духъ, оно и животворно, а послѣднее—плоть и оно не даетъ намъ ничего. А чтобы кто не подумалъ иначе, св. отецъ снова запечатлѣваетъ свой взглядъ, при чемъ спрашиваетъ самого себя: развѣ плоть Христа не есть плоть? И самъ же отвѣчаетъ: безъ сомнѣнія *плоть*²⁾). Но какъ Онъ сказалъ: *плоть не пользуется нимало*? Это Онъ сказалъ не о Своей плоти (οὐ περὶ τῆς ἐαυτοῦ σαρκός),—отнюдь нѣтъ, но о тѣхъ, которые Его слова понимаютъ плотски. Что же значить понимать плотски (σαρκικῶς)? Смотрѣть на подлежащіе предметы просто и не представлять ничего больше (τὸ ἀπλῶς εἰς τὰ προκειμένα ὁρᾶν καὶ μὴ πλεον τι φαντάζεσθαι); вотъ что значитъ понимать плотски. Но не такъ должно судить о видимомъ, а надобно внутренними очами прозирать во всѣ Его тайны; вотъ это значить понимать духовно. Вѣдь кто не ѣстъ Его плоти и не пьетъ Его крови, тотъ не имѣетъ жизни въ себѣ: какъ же плоть ничего не пользуется, когда безъ нея невозможно жить³⁾? Не видишь ли, что слова: „плоть не пользуется нимало“ сказаны не о плоти Его, но о плотскомъ пониманіи?“⁴⁾—Итакъ, св. отецъ не только не высказывается въ

1) Ibidem, n. 2. col. 265.

2) οὐκ ἔστι ἡ σὰρξ αὐτοῦ σὰρξ; καὶ σφόδρα μὲν οὖν.

3) πῶς οὐδὲν ὠφελεῖ ἡ σὰρξ, ἥς ἄνευ οὐκ ἔνι.

4) Ibidem, n. 2, col. 265.

смыслъ символическаго представленія, но прямо и ясно свидѣтельствуешь, что *слова Христа о плоти необходимо принимать въ буквальный смыслъ и что Его плоть есть поистинѣ плоть*. Относя же изреченіе Господа: „плоть не пользуется нисколько“ — къ плотскому пониманію, онъ разъясняетъ, что это пониманіе состоитъ въ томъ, если кто сказанному Христомъ внимаешь просто, смотритъ на дѣло обыкновенными, естественными глазами, какъ на всѣ другіе предметы, и о видимомъ судить по внѣшнимъ чувствамъ, а не полагается на непреложное свидѣтельство Господа. Стало быть, по отношенію къ плоти Господа Іисуса, которую Онъ даетъ вѣрующимъ для вкушенія, чувственное пониманіе заключается въ отверженіи реальнаго ея принятія вѣрующими, на томъ основаніи, что это внѣ естественнаго порядка и выше существующихъ законовъ; тогда какъ духовно понимаетъ тотъ, кто довѣряетъ божественнымъ словамъ и смотритъ на дѣло такъ, какъ внушаетъ ему вѣра. Мало того, здѣсь даже можно находить намекъ на то, что, по св. отцу, плоть евхаристическая — не кака-либо отличная отъ земной плоти Христа, но та же самая, потому что 1) не дѣлается ни малѣйшаго различія между ними, и во 2-хъ ясно говорится, что „если мы недостойно причащаемся таинъ, то погибнемъ наравнѣ съ христуубійцами“ ¹⁾. Итакъ, св. Златоустъ несомнѣнно строго держался того взгляда на таинство евхаристіи, какой и нынѣ содержитъ православно-восточная церковь ²⁾.

А. Кирилловъ.

¹⁾ Таково напр. содержаніе и молитвъ литургій рецензій св. Златоуста: „Достойно и справедливо Тебя воспѣвать“ и слѣдующей за нею: „Съ сими (блаженными) силами, Владыка человеколюбивый“ и пр. См. «Собраніе древнихъ литургій» въ пер. на русск. яз. вып. II, стр. 125, 126.

²⁾ Окончаніе будетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки